

Татьяна Соломатина

Мало ли
что
говорят...

Татьяна Соломатина
Мало ли что говорят

«Автор»

2012

Соломатина Т. Ю.

Мало ли что говорят / Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2012

В жизни героини романа «Мало ли что говорят» Софьи, ассистента кафедры акушерства и гинекологии, происходят неожиданные перемены. Она оказывается не где-нибудь, а в самых что ни на есть Соединённых Штатах Америки. Соня отправляется на стажировку. Открывая для себя новый мир, она начинает ещё больше ценить то, что осталось за океаном, дома. Героиню ждут увлекательные приключения и забавные открытия. Она будет собирать белые грибы в Подбостонщине, красить лестницу на даче заведующего лабораторией Массачусетского Главного Госпиталя, пить водку в китайском квартале и даже скажет несколько слов с мемориальной трибуны Кеннеди. Но главное, Соня поймёт, что США, как и любая другая страна, – это прежде всего люди. Искромётный юмор и ирония, тонкое понимание человеческих характеров и уникальная философия!

© Соломатина Т. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Соломатина

Мало ли что говорят

От автора

Эта книга была написана десять лет назад. С тех пор многое изменилось и в США и в России. И не только. И рукопись стала казаться мне неактуальной. Но муж, издатель и литературный редактор проявили не характерную для них сплочённость и убедили меня в необходимости опубликовать мою первую, на самом-то деле, «крупную форму». Наверняка я ещё сто раз об этом пожалею. Но они все – и муж, и издатель, и литературный редактор – так дружно кричали на меня, топали ногами и говорили, что есть вечные ценности вроде здоровья и болезни, любви и смерти, а конкретно издатель напирал на слово «Америка» и словосочетание «новейшая история», что я сильно удивлялась. Потому что сама считаю, что написала книгу о блондинках и лишнем весе, о собаках, грибах и пыльных ботинках... И ещё о том, как неудобно курить за океаном в гостиницах и, тем более, на службе. Как плохо истерия или, там, политика. В общем, эдакое «About life, Universum and anything!» © Да-да, о вселенной тоже написала. И за два года официального меня признания издателями и читателями я уже узнала, чем это чревато – писать о вселенной или, например, о геях. Чем это в принципе чревато – писать, издаваться и вообще.

– Будут говорить... – начала было бубнить я, ещё не представляя себе, что скажу о том, что будут говорить по поводу конкретно этой книги.

– Мало ли что говорят! – перебили меня хором.

И я решила: «Действительно!..»

Пролог

Соня любила приходить сюда по выходным и долго бродить среди многолюдной толпы. Нигде человек не чувствует себя так одиноко, как среди людей. Её одиночество здесь становилось доброжелательным, наблюдательным, забавным и печальным одновременно.

И Джош любил приходить сюда, чтобы побыть одному.

Соня присела на край пустой скамейки – на удивление. Обычно тут толпился народ. Но сегодня дул холодный ветер.

Кто-то присел на другой край. Закинул руки за голову и с явным удовольствием привычно вытянул длинные ноги.

Они посмотрели друг на друга, расхохотались и сели рядом.

Он обнял её за плечи.

Возможно, со стороны они и были похожи на влюблённую парочку. Или на брата с сестрой. Но дул холодный ветер, а они – просто были вместе. И порознь. Это был тот редкий момент вселенского единения и вселенского же одиночества. Бесконечного блаженства и вечного покоя. Божественного откровения и дьявольского искушения. В этом было всё. И не было ничего. Они просто сидели на скамейке и смотрели на тёмную воду залива, случайно встретившись на пирсе позади Бостонского аквариума...

Глава первая

Анкета

Тьфу на вас ещё раз!
Реплика из культового фильма XX столетия «Иван Васильевич
меняет профессию».
Хроники XXI века

Началась эта история в один из далеко не прекрасных дней.

Придя на нелюбимую работу как обычно много раньше, нежели того требовало КРУ¹ от ассистентов кафедры акушерства и гинекологии, Соня первым делом ткнула кнопку электрического чайника. И переделась в своём крохотном кабинетике. За наличие оно, к слову, она была от всей души ненавидима коллегами «по рангу» и многочисленными «вышестоящими» в кафедральной иерархии доцентами. Эту сомнительную привилегию Соня заработалаписанием трёх книг, где её не упомянули даже в качестве «пятого в кепке в третьем ряду» соавтора. Не говоря уже о докторской диссертации для начмеда и кандидатских для пары-тройки «мажоров». За них с ней не то что забыли «рассчитаться», но даже и не собирались.

Налив кипятка в чашку с «кофейным порошком», Соня закурила, несмотря на то что на территории родильного дома это было категорически запрещено. Дымок успокоил и укрепил намерение высказать, наконец, вздорным кафедралам всё, что она о них думает.

Было ещё два часа до пересменки и три – до появления пунктуальной до чёртиков кафедральной лаборантки.

Открыв настежь окно, чтобы уничтожить следы сакрального ритуала, Соня заперла кабинет и спустилась в отделение.

Двух пациенток лихорадило, у третьей были проблемы с выпиской ребёнка, ещё двое в послеродовой палате ныли: «Домой!» – а одна беременная желала «срочно родить».

Потратив два часа на рутину – выяснение причин температуры, скандал с доктором из детского отделения, лекции для «колхозников»: «Нельзя домой на вторые сутки после разрыва промежности третьей степени, а вам ещё рано рожать, несмотря на день рождения свекрови!» – а также писанину, писанину и ещё раз писанину, Соня поднялась в своё «гнездо». И печально глянув на часы, поняла, что покурить с комфортом уже не успеет. Приготовила две чашки кофе и спустилась в подвал к Кузьмичу.

Кузьмич был личностью удивительной и многогранной. Мастер на все руки, способный починить абсолютно всё – от дверного замка до аппарата искусственной вентиляции лёгких. Безгранично образован и начитан. Кажется, только одна Соня из всего роддома знала, что этот совершенно неприметный внешне человек в своё время окончил сверхсекретный советский вуз, знал пару-тройку арабских диалектов, не говоря уже о потешной группе романо-германских языков, и был полковником в отставке какого-то жуткого ведомства. А ещё он непревзойдённо владел психоанализом. Из него вышел бы отличный священник или гарпунёр на китобойном судне, однако... Он выбрал работу завхоза. И справлялся с ней выше всяких похвал. Его каморка топорщилась ящиками и чемоданами с инструментом, по стенам была развешана символика времён «единого и могучего Советского Союза», снабжённая подписями всяких VIP-Рыл того времени, с ироничными дописками самого Кузьмича.

Старик любил поменторствовать. То ли он питал к Соне тёплые отеческие чувства, то ли ему просто не с кем было поговорить – неизвестно. Он называл её «деточка» и всё время

¹ Контрольно-ревизионное управление.

поучал. Она не возражала. С маниакальным упорством он повторял ей одну и ту же сентенцию: «Всегда говори правду. Не хамя. Не лебези. Будь честна. Поверь старому лгуну – рано или поздно достанет. Лучше рано, когда ещё можно изменить жизнь. Хотя это никогда не поздно. Даже за миг до смерти». Честно говоря, Соня слушала его вполуха. Со всем пылом молодого высокомерия полагая, что старый завхоз-чекист вряд ли научит её хоть чему-нибудь дельному. И вообще, у неё куча животрепещущих текущих проблем, а он тут вещает прописные истины загадочным тоном!

Кузьмич налил Соне сто граммов коньяка, снабдил инструкциями, «как и что сказать профессорше», и она поднялась наверх, полная решимости расставить все точки над «ё» и прочими буквами алфавита – красиво, лаконично, без лишних эмоций, аргументированно и т. д.

У себя в кабинете, открыв файлы с фотографиями, сделанными вчера в родзале, Соня поняла, что ни в какой атлас их не вставить, уж тем более «за авторством» члена-корреспондента и «под редакцией» академика. Быстро пролистав все скопившиеся у неё за три месяца изображения и заметки к ним, она решила сегодня разобраться заодно и с членом-корреспондентом, и, может быть, даже с академиком, если они, конечно, не в заграничных командировках. Члену-корреспонденту надо сказать: «Александр Георгиевич, я уважаю вас за энергию и решительность, а также за то, что вы членом проложили себе путь, всю комсомольскую юность трахая министерских функционеров. Я уважаю вас за то, что обе диссертации вам написали именно женщины. Одну – выжатую вами досуха и брошенную – помнится, даже лечили в психушке. Я в восторге от ваших организаторских способностей. Но хочу, со всей присущей мне ответственностью, заявить, что учёный вы никакой и имя вам в науке «nihil»². И вы просто болван, если полагаете, что я напишу для вас за три месяца учебный атлас по акушерству и гинекологии! Материалы для подобного рода изданий собирают десятилетиями собственной практики! Мне плевать на ваши «глубокомысленные» сентенции типа: «Тебя никто не знает, а меня знают все. Оpozоришься – опозоришь не себя, а меня!» – потому что я позорю себя только тем, что работаю на возглавляемой вами кафедре! Ниже падать некуда! Ах да... Как педагог вы полное ничтожество! Всё, на что вы способны, – это иметь сующихся под вас студенток, интернов и аспиранток. И я ещё не забыла ту научную конференцию, где избежала подобной участи только потому, что меня «возжелал» академик, а вы любезно уступили «шубу с барского плеча»!»

Так. С членом от респондентов было покончено.

Теперь – с академиком:

«Михаил Борисович, вы, конечно, не такой мудака, как Александр Георгиевич, но тоже жалкая и ничтожная личность, куда хуже Паниковского, тот был всего лишь траченный временем и обстоятельствами мелкий аферист, не говоря уже о том, что просто-напросто персонаж, выдуманный Ильфом и Петровым! Учёным вы, дорогой академик, были неплохим, но к настоящему времени зажрались и пропили все свои таланты. Неужели вы и вправду хотите так опозориться, поставив своё имя в графе «под редакцией» в атлас, написанный неопытной пигалицей за три месяца? Да вас же весь медицинский мир на смех поднимет. Ах да... Спасибо за то, что вы, принявши до состояния «ню» на банкете в честь той самой научной конференции, только и успели, что «страстно возжелать», падая замертво в коридоре гостиницы. Ох, как же я горевала всю ночь, тоскуя по старчески-похотливым телодвижениям! «Тьфу на вас ещё раз!»

«Разобравшись» с членом-корреспондентом и академиком, Соня пришла в прекрасное расположение духа и отправилась на утреннюю врачебную конференцию.

² Nihil – ничто (лат.)

Там её долго, нудно и публично позорила начмед, распалившись не на шутку. Она вопила о несоответствии занимаемой должности и о том, что Соня несёт личную ответственность за санитарно-эпидемиологическое состояние всего роддома. Что не умеет не то что оперировать, но даже ассистировать. Что её пациентки температурят, хамят детским врачам и персоналу, занимая при этом ценные койко-места в блатных палатах. И что если она не прекратит курить в кабинете (настучали, суки!), её сначала расстреляют, а потом привяжут к машинам «Скорой помощи» и четвертуют, чтобы другим неповадно было. И если она хочет жить, то должна: «Молчать и слушать! Молчать и слушать!! Молчать и слушать!!!» «Другие» сидели, потупив глаза в истории родов и болезней.

Плетясь с пятиминутки как оплёванная, мысленно прокручивая гневную отповедь заместителю главного врача по акушерству и гинекологии, Соня услышала за спиной пять минут назад ещё злобно-истеричный, а сейчас приторно-слащавый голос: «Сонечка, где моя статья для «Российского вестника акушерства и гинекологии»? Там последний срок уже вчера был. Ты, пожалуйста, отложи все дела, допиши и пошли интерна в редакцию. Они по электронке не принимают. И на дискету не забудь скинуть. Предварительно позвони и узнай, в каком формате. А через час я жду тебя в операционной. Сложный случай – проассистируешь. И возьми кого-нибудь толкового третьим. Я после основного этапа размоюсь и уйду – закончишь. Мне новую мебель должны привезти. И не забудь, пожалуйста, записать всё в историю родов и в журнал операционных протоколов. И завтра я лекцию на факультете повышения квалификации читаю – текст мне в кабинет принеси сейчас и слайды по порядку разложи. Мне некогда!» – «Ну, конечно, конечно. Только в туалет забегу – и всё сделаю».

Соня поднялась к себе, приготовила ещё одну чашку кофе и закурила... Благодать.
«Мать-мать-мать!..» – с ехидцей ответило эхо.

Весь день прошёл в безумной круговерти между компьютером, кафедрой, отделением, родзалом и операционным блоком. Профессорша всё ещё не появлялась. Лаборантке было дано указание немедленно оповестить о появлении Натальи Борисовны на кафедре. Но Наталья Борисовна позвонила и велела передать, что в 16.00 Соня читает лекцию интернам в помещении Центра здоровья семьи (на другом конце города), потому что она не сможет быть лично – у неё интервью с «глянцевым» журналом, и где, чёрт возьми, те вопросы и ответы, которые должны были быть написаны? С желанием немедленно убить ни в чём не повинную лаборантку Соня сунула ей в руки текст. Уже трижды до того переданный профессорше! Та постоянно теряла бумаги.

Соня написала статью.
Сходила в операционную.
Записала, что нужно, во все необходимые кондуиты.
Съездила – прочитала лекцию.

Когда она вернулась в роддом, чтобы приступить, наконец, непосредственно к врачевным обязанностям и написанию текста атласа, за окном каморки было уже темно. На кафедре почему-то горел свет, но Соня подумала, что уборщица забыла выключить.

Наконец-то – тишина и никого. Массивная бронированная дверь профессорского кабинета не подавала признаков жизни. Член-корреспондент не изволил принять сегодня, передав через лаборантку, что видеть Соню он хочет только с написанным атласом. Ну что ж, у него есть шансы не увидеть её никогда. Заявление об увольнении по собственному желанию можно сдать непосредственно в отдел кадров. А завизировать у проректора по науке. Руки тряслись от

злости, усталости и напряжения. За руль сегодня уже не садиться, так что можно щедро хлебнуть жидкости для «гидроусилителя» мозга и закончить сегодняшние дела. Потерпеть осталось – всего-ничего. А самое лучшее, что может произойти с женщиной в этом мире, с Соней уже случилось. Так что...

* * *

Чур меня!

Расхожее словосочетание, призванное отогнать «нечистую силу».

Фольклор.

Хроники XXI века

Не так давно Соня решила возжелать гармонии и света. Не то чтобы в последнее время ей было особенно темно... Не темнее, чем обычно. Однако «пацан решил, пацан – сделал».

Чувство гармонии, как известно, чувство лёгкое. А посему для начала необходимо было сбросить балласт.

Первой в списке значилась мама. Дело не в том, была она плохой или хорошей. Балласт – это просто лишний вес. Мама была тяжёлой. В пересчёте по плотности вещества её можно было приравнять к белому карлику. По шкале барометра фатализма Соня столько ей задолжала, что как раз впору было объявлять о банкротстве.

Сбившись при пересчёте процентов с процентов, «таможня» приклеила Соне на чемодан бирку «неблагодарная сволочь», и на этой жизнерадостной ноте она перешла границу. Махнув заодно ручкой через плечо и папе, поскольку «бойся равнодушных» и малахольных, «ибо с их молчаливого согласия...»³, и так далее.

Далее по списку шли «родственники», «подруги», «знакомые» и просто случайно-навязчивые люди. Весь табор и прежде считал Сонечку невыносимой зазнайкой и снобкой, не брезгуя при этом бесплатно пользоваться её как специалиста, подолгу жить на её территории, поедая заработанное ею, пользоваться гардеробом, туалетными принадлежностями, книгами и прочими «снобскими» благами.

С этими было проще простого – определив группу обследования, Соня занялась психотелефонным тестированием. Для начала так:

«Я разбила машину, помоги!»

Обратно пропорционально степени ответного вранья прогрессировало и её «несчастье»:
«Я разбила машину, меня выгнали с работы, помоги!»

Под конец, перепутав уже смех и слёзы, она монотонно бубнила в трубку очередному «другу»:

«Я разбила машину, меня выгнали с работы, мне нечего есть, шубы и золото я заложила в ломбард. Жить негде, и единственное, о чём я тебя сейчас прошу, будь любезна (любезен), привези мне сейчас на вокзал, в зал ожидания, пачку сигарет и бутылку водки».

Эффект не замедлил сказаться – за неделю мир погрузился в тишину.

Из многочисленного «круга доверия» откликнулась только одна дама, никогда в особо близких подругах не числившаяся. Стоит заметить, что с нею у Сони по сей день неплохие отношения.

³ Из эпитафии к «Заговору равнодушных» Бруно Ясенского. Автор – Роберт Эберхардт.

Последние в списке, но далеко не последние по значимости – мужчины. Этих в Сониной жизни всегда было как грязи. Грязь, конечно, бывает лечебной, косметической и обыкновенной, но... конец один – смысл и забыл.

К моменту провозглашения декларации независимости: «Все вон!» – и эпизоду «тестирования» Соня даже жила с одним показушником, находящимся под железобетонной плитой... (пардон) железной пятой своей мамочки, но корчившим из себя «крутого мачо». Сонечка и ему написала диссертацию, благо специальности были смежные, пока он валялся на диване, заламывая ручки, и вопил: «Какой идиотизм! Как мне это надоело! Кому это всё надо?!» Однако когда к ним приходили «друзья» (см. предыдущие пункты списка), он бодренько вскакивал, выпивал принесённую друзьями водку и орал на Соню: «Почему у нас нечего жрать?!» – и тащил всех в ночной клуб на дискотеку. На Сонины аргументы типа: «Тебе же завтра третью главу руководителю показывать!» – он, мило улыбаясь, абсолютно справедливо отвечал: «Ну, сколько мы там потанцуем! Часа в два вернёмся, и до утра допишешь». Вот что Соня до сих пор не могла понять – шла ведь. И... дописывала. Странно, почему она не додумалась ещё пирожки к завтраку печь?

Помимо одного периодически или, вернее сказать, регулярно случались разного рода интрижки и «крупные» любовные романы. «Маменькин сынок», зная почти обо всех, практически не реагировал. Достаточно было сказать, что «меня срочно вызывают в роддом», после внеурочного телефонного звонка, и его уже ничего не волновало. Соня его понимала – спутница жизни – эдакая красавица из VIP-сопровождения, «делает карьеру», иногда «зарабатывает деньги» и сама же затаривает холодильник (дура!). При этом он особой щедростью не отличался: каждый скромнее некуда подарок – всегда и только «по поводу» – преподносился им Соне с пугающей помпезностью. Курить при его мамочке было нельзя, а в гости к ней ходить полагалось регулярно. В общем, в один прекрасный день Соня сказала: «Я от тебя ухожу!» – и немедленно покинула помещение, не дав ему опомниться, с одинокой сумочкой через плечо. Придя в сознание, он слез с дивана и начал донимать её телефонными звонками с мольбами и угрозами. И, действительно, за короткий срок успел наделать немало мелких и крупных пакостей. Генетика!

Квартира, где они проживали, принадлежала ему. И в порыве злобы он даже не отдал Сонечке её компьютер и вещи. «Ну и хрен с ними! Куплю. Или закаляться начну, а писать – карандашом на бумаге». Единственной по-настоящему актуальной проблемой был стол, на который можно положить лист бумаги, в той самой кухне той самой квартиры. Её-то у Сони как раз и не было. Мама была вычеркнута первой, поэтому, несмотря на то, что прописана Соня была под «крышей дома своего», путь туда был заказан. И хотя гордость – не порок, а лишь небольшой насморк, она бы всё равно туда не пошла.

Всех ухажёров и эрзац-заменителей разного рода она тоже разогнала.

Позвонила брату в надежде найти пристанище в одном из многочисленных объектов недвижимости, скупленных им по всему городу ещё в начале «развала-передела», – отказал. Они с мамой – «диагносты-клиницисты» с дипломами мехмата университета и факультета «автомобили и автомобильное хозяйство» политеха – поставили Соне «диагноз»: шизофрения. Сказали, что если она разрушает свою жизнь – это её личное дело, и она может отправляться к своим многочисленным «ёбарям», «на помойку» и ко всем чертям, раз уж «хамит» маме и бросила такого «замечательного парня» (к слову сказать, прежде они его терпеть не могли), и вообще – сама дура!

Пришлось приписать в конце списка пункт специально для брата, что первоначально не входило в Сонины планы.

Прокантовавшись недельку в роддоме (в разных отделениях, чтобы не вызывать подозрений), потом пару ночей у той самой подруги, доставившей пачку сигарет и бутылку водки на гипотетический вокзал, она ощутила угрозу вокзала реального. Однако нашлась мизерная,

но вполне приемлемая по цене-качеству квартирка в глухомани, где никакие мамочки и их сынки не смогли бы её найти. Там и зажила. Работа, как и прежде, «работалась» без особого воодушевления, но добросовестно, а так называемая «наука» катилась уже по накатанной.

Денег, надо сказать, у Сонечки сразу стало значительно больше. Выяснилось, что непокупка еды – один из самых больших источников материального дохода.

Она работала, много ходила пешком и регулярно выпивала сама с собой на дивиденды с некупленной еды, предаваясь детским мечтам об «иррационально-безупречном мужчине». Но – безо всяких конкретных целей и задач. Коллеги, прознав о холостом статусе, бросились «устраивать» Сонечкину жизнь. И пару раз она даже попадала на свидания. Вернее – на ужины. Кавалеры были галантны, и рестораны выбирались по её вкусу. И не то чтобы мужчины были нехороши. Может, и хороши. Кто их разберёт? Просто хотелось чего-то такого, что представлялось в детстве, летом на Волге, в бабушкином заброшенном саду...

Да-да, не смейтесь! Соне – кандидату медицинских наук, прожжённому цинику и «пожирательнице» мужских сердец – хотелось чего-то, напоминающего запах плова, вкус холодной стали и цвет морской воды на глубине семи метров в конце мая.

Кого-то...

И, можете не верить, но, как только она разогнала всех, кто ей не соответствовал, как только разрушила те самые набившие оскомину и мозоли рамки, с ней случилось *самое лучшее, что может произойти с женщиной* в этой и во всех последующих жизнях, – Тот Самый Мужчина. Он пришёл, и... – она осталась. Где всегда и была – в старом заброшенном бабушкином саду.

Вас не слишком шокирует тот факт, что они сразу поженились?

* * *

На часах 22.00. Характерный топот. Профессорша появилась на кафедре.

Наталья Борисовна относилась к тем женщинам, которые яростно «делают карьеру». «Феминисткой обыкновенной» назвать её было нельзя, ибо это семя произрастает, как правило, на полях муниципальной номенклатуры. Первую дочь она родила сразу после института. Младенец немедля был отправлен «на деревню дедушке», в смысле – к бабушке в родное село, потому что Александр Георгиевич оставил Наташу при кафедре акушерства и гинекологии и при себе. Вместе с мужем. Таково было её условие.

Муж не особо вникал в дела Наташи и шефа, но и полным идиотом не был, так что кое о чём догадывался. И его это вполне устраивало – пока любимая жена разъезжала с заведующим кафедрой по конференциям и съездам, Вова отрывался по полной программе. Вся разница между мужчинами данной категории, живущими по принципу «удобно-неудобно», состоит в том, что приобретается первым – жена или автомобиль. В зависимости от этого они попадают в разряд пассивных или активных «пользователей» соответственно. В данном случае жена была «приобретена» первой. Не то чтобы красивая, но фигуристая и, главное, донельзя сообразительная – параллельно написала кандидатские себе и супругу.

Наталья Борисовна, будучи дамой отнюдь не глупой, понимала, что рано или поздно шефу надоест, и изо всех сил трудилась на полях науки, не забывая об оврагах администрирования. Она хотела стать незаменимой. Не столько в койке, сколько на кафедре. Немедля вслед за кандидатской была написана докторская. За сверхстремительное, минимально разрешённое ВАКом⁴ время она получила звание и должности доцента, а затем и профессора. И сейчас

⁴ Высшая аттестационная комиссия.

фактически исполняла обязанности заведующего кафедрой, ибо Александр Георгиевич, кроме всего прочего, был ректором этого медицинского вуза.

Вова, между тем, ушёл с кафедры и подался в бизнес. Пару раз поставил на «красное» и выиграл. Но после того «чёрное» выпало двенадцать раз кряду. Со всеми вытекающими.

Как-то он было даже решился уйти от Наташи, но в тот момент супругам «вдруг» выделили трёхкомнатную квартиру в новостройке, служебную машину для Натальи Борисовны, и... Вова остался. Наташа решила закрепить полученный эффект – и родила ещё одну дочку. Которая была отправлена вслед за первой.

Дальше всё шло по привычке – у супругов были свои орбиты, которые пересекались лишь в кухне, где, изредка вместе выпивая кофе, они обсуждали «животрепещущие» вопросы: «Почему старшая дочь ведёт себя как проститутка и об этом знает весь город? Отчего младшая называет папу козлом?» – и – «Наташа, ты заплатила за телефон?»

Ни для кого не было секретом, что профессорша довольно часто ночует у себя в кабинете, мотивируя это неотложностью дел. Но... Санитарки и секретари знают всё. «Работа такая!» Наташа от души напивалась в одиночестве за бронированной дверью своей обители, по утрам хмуро глядела на мир и вопила на утренней врачебной конференции: «От кого так несёт?!» – бросая гневные взгляды в сторону анестезиологов, заведомо зная, что не ошибётся. Правда, бывало, какой-нибудь из этих самых «похмельных» анестезиологов подключал Наталье Борисовне систему с глюкозой, фуросемидом и прочими составляющими «мёртвой воды». После чего профессор, обильно окропив себя «живой» под душем Шарко в отделении физиотерапии, была готова к новым подвигам.

«Кто сам без греха...», как говорится, а Соня не любила кидаться камнями. Ни прицельно, ни в «благородном порыве». Это, говоря по правде, сизифов труд. Но её решимость сегодня достигла точки невозврата. Подойдя к массивной двери, она постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

В жизни «железных леди» периодически наступает день, когда из глаз текут самые обычные слёзы. Кто же знал, что сегодня именно тот случай.

– Привет! – чуть ли не впервые за достаточно долгое время их непосредственного общения Наталья Борисовна заговорила «человеческим», а не «профессорским» голосом. Правда, уже несколько хмельным. – Я знала, что ты на кафедре. Видела свет в окне. Проходи.

– Добрый вечер, Наталья Борисовна. Я хотела с вами поговорить. У вас есть минут пятнадцать для меня?

– У меня есть для тебя пятнадцать минут, если ты... составишь мне компанию, – изрекла профессорша и достала из шкафа две рюмки, непочатую бутылку дорожущего коньяка и блюдо с подсохшим нарезанным лимоном. Потом подошла к холодильнику, открыла и долго всматривалась в его недра в поисках смысла бытия. По крайней мере, выражение лица у неё было именно такое. Глубоко вздохнув, она извлекла засохший кусок сыра, пучок петрушки, пакет лимонного сока и коробку шоколадных конфет. Водрузив всё на стол, она пробормотала себе под нос что-то весьма нецензурное и налила рюмки до краёв. Сказать, что Соня была несколько удивлена, – не сказать ничего.

– Давай, Сонь, выпьем за банальное бабское счастье. В мире нет ничего важнее этого! – Они опрокинули рюмки. Молча и стоя.

«Как на поминках», – мелькнуло у девушки.

– Садись, – профессорша села, и Соня последовала её примеру. – Между первой и второй перерывчик небольшой, – по-девчачьи взвизгнула Наталья Борисовна и снова налила. И снова – по полной. – Я хочу сказать тебе очень важную вещь! – продолжила она внезапно менторским

тоном, держа рюмку за «талию». – В жизни есть два пути – полная херня и столбовая дорога. И лишь сам человек в ответе за то, что выбрал. Обвинять в этом кого бы то или что бы то ни было – всё равно что крыть матом перекрёсток, на котором ты свернул не туда. Так выпьем же за светофоры и хорошее зрение!

От второй рюмки Наталья Борисовна даже не поморщилась, меланхолично пережёвывая лимонную дольку вместе с кожурой. Соня поняла, что надо брать быка за рога, ибо с такими темпами есть риск не только не расставить все точки над «ё», но даже и букву самую запомнить.

– Наталья Борисовна, я хочу вам сказать...

– Можно подумать, я не знаю, что ты хочешь мне сказать! Тоже мне, бином Ньютона! – бесцеремонно перебила профессорша и принялась жевать петрушку. – Кстати, если хочешь – кури. Пепельница на журнальном столике.

Решив ничему не удивляться, Соня взяла пепельницу, достала пачку сигарет из кармана халата и ещё раз вопросительно посмотрела на собутыльницу. Та утвердительно кивнула в ответ. Сигарета иногда помогает преодолеть неловкую паузу. Сонечка затаилась, а Наталья Борисовна продолжила:

– Ты мне хочешь сказать, что тебя всё достало, что всё происходящее несправедливо и нахер тебе не нужно.

– Да, – ответила Соня, выпуская дым в потолок. День был не из лёгких. Еды за весь день во рту побывало с гульки хрен – кофе да сигареты. В такой ситуации две полные рюмки коньяка делают человека значительно раскованнее.

– И ещё ты хочешь сказать, что шеф – полное говно, академики – мудаки, а я – истеричка в стадии предклимактерия.

– Ага! – ответила Сонечка, прислушиваясь к шуму собственного тока крови в височных долях.

– Ну, тогда – за тех, кто в танке!

Опрокинулась третья.

Воспользовавшись тем, что доктор наук вгрызлась в подсыхший кусочек сыра, Соня перехватила инициативу:

– Я, Наталья Борисовна, ещё вот что хочу сказать. Аллах с ними, шефами и академиками, как их там... Вы тоже внесли свою лепту в моё задворничество, простите за неологизм. Именно вы не включали меня в соавторы методических рекомендаций, написанных мною, – чёрт уж с ними, с книгами. Именно вы всеми силами затирали мои успехи и заслуги. Впрочем... как вы совершенно справедливо заметили – нельзя обвинять перекрёсток. Да я и не так далеко отъехала от светофора. И на зрение пока не жалуюсь. А посему – вернусь я, пожалуй, на исходную и выберу столбовую дорогу.

Профессорша тем временем «сыр во рту держала», пристально глядя Соне в глаза.

– Тем паче, я думаю, вы уже в курсе этого – есть некоторые изменения в моей личной жизни?!

– В курсе, в курсе, – слегка бубня, подтвердила Наталья Борисовна. – Одобряю, – договорила она не столь невнятно, сколь неискренне.

– Спасибо, – автоматически среагировала вежливость, что не помешало хмельной язвительности продолжить, несмотря на заветы Кузьмича, в довольно ехидном ключе: – Поскольку я, в отличие от вас, на должность «владычицы морской» не претендую, то вполне удовлетворюсь «столбовой дворянкой». Кроме того, глубокоуважаемая Наталья Борисовна, не так чтобы сей факт меня особо беспокоил, но, коль пошла такая пьянка и другого шанса у меня, видимо, уже не будет, я вам выскажу вот что... О девичьем... – Соню от всей души распирал благоприобретённый сарказм, хоть она и понимала, что разговор не будет забыт, под каким бы сорокаградусным соусом ни пребывала сейчас её непосредственная начальница. – В «поганые» Соединённые Штаты Америки на нашей кафедре и в нашем роддоме не ездили только завхоз, санитарка пищеблока и... ваша покорная слуга. Завхоз – потому что провёл в качестве резидента с десяток лет в «оплоте демократии» и виза ему туда на веки вечные invalid! Санитарка пищеблока – потому как умственно неполноценная... Хотя нет! Умственно неполноценная, видимо, всё же ваша покорная слуга! И, что особенно умиляет, летают туда-сюда именно по тематике моей диссертационной работы даже те, кто не имеет к ней не то чтобы опосредованного отношения, а и близко не стояли. Вы же с уважаемой Надеждой Петровной, нашим драгоценным начмедом, уже паспорта сменили раз по пять за неимением места для визовых штампов. И не говорите, что кто-нибудь, кроме вас, имеет к этому отношение!

В этот раз Соня налила себе сама. И после секундной паузы – Наталье Борисовне. Та молча продолжала смотреть, даже перестав пережёвывать окаменевшую кисломолочную корочку.

– За справедливость! – торжественно изрекла Соня, поднимая свою рюмку. Они выпили.

– Да! – сказала её визави. – Ну что ж – откровенность за откровенность. За что, говоришь, я тебя так? Озвучиваю по пунктам. За то, что у тебя походя получается то, что давалось мне слишком большой кровью! За то, что ты ни во что не ставишь то, ради чего я пожертвовала своим семейным и личным счастьем. За то, что ты мало чего боишься, и за то, что у тебя ещё есть шанс, профуканный мною, – смотри выше. Это одна сторона медали. Другая – я понимаю, что без тебя мне не обойтись, особенно теперь, когда клинику и кафедру заполнили толпы «мажоров», уверенных в том, что им всё должно падать прямо в рот разжёванным по первому родительскому звонку, поэтому я тебя ненавижу и терплю, и...

– Поэтому, Наталья Борисовна, я увольняюсь! – на полуслове оборвала её Соня. – Немедленно. Не дописав атласа для шефа и не доделав ещё горы кафедральных дел. Мне жаль тратить свою жизнь на компенсацию вашей ненависти и прочие комплексы неполноценности околонучных мудаков и их детей. Она – моя жизнь – у меня, любимой, одна. И мне уже немножечко стыдно за некоторое количество бесцельно прожитых лет. Так что спасибо вам за всё, как говорится. За науку и добрые слова, за мягкую постель разума и жёсткий сон сердца. Рождённые мною чудовища ещё не всеильны. Я пока способна победить их.

– Выпьём? – неожиданно спросила профессорша.

– Да, легко!

– А теперь, моя дорогая, я тебя разочарую. Все твои великолепные метафоры канут всуе. Во-первых, я не завизирую твоё заявление по собственному желанию, и тебе придётся идти к проректору по науке, которого ещё ровно месяц не будет в городе, а исполняющий обязанности не возьмёт на себя – уж я постараюсь. Во-вторых, даже после подписания согласно трудовому законодательству ты должна будешь отработать ещё две недели. А если начнёшь наглым образом саботировать работу, то будешь уволена из-за несоответствия занимаемой должности и тебя не примет никакая мало-мальски уважающая себя кафедра или клиника!

– Ха-ха-ха, как страшно! – съехидничала Соня, и они вполне миролюбиво чокнулись. – Да я лучше полы буду мыть в общественном сортире, чем ещё хоть когда-нибудь работать среди таких замечательных людей!

– Это ты сейчас такая смелая, пока...

Соня подозревала, какой сентенцией профессорша собиралась её поразить, и, видимо, выражение лица у девушки стало такое, что Наталья Борисовна решила не уточнять. «...и опыт – сын ошибок трудных...»

– Кстати, сейчас я дам тебе кое-что, – сказала профессорша.

Наталья Борисовна встала и, слегка пошатываясь, подошла к пухлому портфелю, который всегда таскала за собой. Порывшись, она извлекла кипу бумаг и протянула их Соне.

– Это анкета. Какие-то гранты ООН – я не вникала. Вероятность – ноль целых шиш десятых. Поскольку из всей клиники может участвовать лишь один человек, мы с Надеждой Петровной и Александром Георгиевичем решили, что это будешь ты! – и она так мило улыбнулась, что у Сони по спине мурашки побежали от такого иезуитства.

Девушка со скрипом раздавила в пепельнице бычок. Демонстративно налила себе ещё рюмку, встала и, обращаясь к профессорше, произнесла тост:

– За банальное бабское счастье! – выпила стоя и, прихватив у той из рук анкету, собралась было покинуть помещение.

– Стой! – окликнула профессорша. – Ты знаешь, как страшно пить одной?

– Знаю, – без доли сарказма или кокетства ответила Соня.

– Пить только для того, чтобы забыться и уснуть?

– Да.

– Ты знаешь, как страшно оказаться в полном одиночестве?

– Да. Но на перекрёсток иначе не вернуться.

Наталья Борисовна как будто не слышала.

– Ты знаешь, что моей старшей дочери сделали сегодня аборт под большим секретом Полишинеля, который скоро разнесётся по всему городу? К тому же у неё обнаружили гонорею. Хроническую.

– Бог подаст! – сквозь зубы процедила Соня и толкнула дверь.

«За индульгенциями – это не ко мне, – думала она, шагая по пустынному коридору. – Я, блин, всё ещё врач хирургической специальности!»

P.S.

«Время и случай ничего не могут сделать для тех, кто ничего не делает для себя самого».

Джордж Каннинг, некий древний английский политик.

Хроники XXI века.

Глава вторая

Правда о правде и ничего, кроме правды

Мои шутки заключаются в том, что я говорю людям правду. Это самая смешная шутка на свете.

Джордж Бернард Шоу, драматург – то есть автор сценариев для костюмированных шоу, в древности именовавшихся пьесами и предназначавшихся для постановки на сценах театров. Хроники XXI века

Мировой опыт борьбы с несправедливостью гласит следующее: «Если ты уже принял решение послать всех к чертям собачим – будь готов отправиться туда сам».

Сонин личный опыт с учётом уже принятых решений подсказывал, что идти в столь неопределённом направлении через Америку куда интереснее, нежели известной всем непутёвостью.

Посему неделю спустя она извлекла анкету на свет божий и положила перед собой на стол. Срок отправки истекал через два дня. Для начала Соню объял панический ужас перед бюрократией в письменной форме. Но, пролистав анкету под сигарету и чашку кофе, она всё-таки решилась. Побудительным мотивом явился спасительный фатализм: правду и ничего, кроме правды, – пан или пропал. Стажировка такого уровня – лотерея. Выигрышные билеты наверняка даже не поступали в свободную продажу, так что мешает развлечься?!

Вопросы анкеты производили странное впечатление. Представлялось, что их выдумывали где-то на границе часовых поясов и системных восприятий за игрой в домино под ящик пива парочка жизнерадостных образцово-показательных американских адвокатов и несколько прожжённых чекистов с весьма своеобразным чувством юмора.

Посреди двадцатичетырёхстраничного массива, включающего «не был», «не участвовал», «не состоял» – таких же привычных нам, как ФИО и чуть менее привычный вопрос о девичьей фамилии матери, встречались такие перлы: «Какое время года вы предпочитаете?», «Как вы относитесь к творчеству авангардистов?» и «Любимый фасон вашей юбки/брюк». Ну, если с фасонами юбок Соня ещё более-менее была знакома – донельзя напрягши умственную деятельность, припомнила «солнце-клёш», «татьянку» и «мини», – то брюки повергли её в пятиминутный ступор. Решив, что это гендерное, она двинулась дальше, оставив составителей в неведении о своих предпочтениях в плане штанов.

В ответ составители, ни разу не покраснев, спросили о сексуальной ориентации и нравятся ли ей запах мужского/женского тела. И что прикажете отвечать? С ориентацией более-менее ясно – Соня вписала слово «гетеросексуал», за которое её покойная бабушка Полина Фроловна Полякова наверняка бы высекла. Мысленно принеся ей свои извинения, Соня дописала: «-ка» – и сосредоточилась на запахах. Ей нравился запах лишь одного мужчины на этой планете, но, согласитесь, невероятно глупо писать в казённой графе: «Предпочитаю запах Иванова Ивана Ивановича», – или что-то в этом роде. Тем не менее она так и написала.

Затем, вы можете, конечно, не поверить, составители поинтересовались девичьими фамилиями бабушек. Если с Полиной у Сони не было никаких проблем, то с матерью отца вышла неувязочка. Минут десять напряжённо повспоминав, она, через «не хочу», набрала номер родительской квартиры. Первый раз трубку бросили. Но «если я чего решил, то выпью обязательно!» После десяти гудков повторного дозвона к телефону подошёл отец.

– Папа, привет! Как девичья фамилия твоей матери?

– Привет!!! – заорала ей в ухо телефонная трубка, как белый медведь в жару. – У тебя всё в порядке?

«Надо же!»

– В полном, – ответила Соня. – Для абсолютной гармонии «инь-ян» мне не хватает сущей хрени – девичьей фамилии моей бабки по отцу.

– Я не знаю.

– Не знаешь или не помнишь? Пожалуйста, напрягись. Это важно. Представь – если ты сейчас не скажешь фамилию своей матери, я не полечу в космос. Потому что я и так уже «Фома без креста и квартиры», а буду ещё и «не помнящей родства». И тогда меня расстреляют.

Сонин отец, последние лет пятнадцать не злоупотреблявший чувством юмора, обиделся и изрёк:

– Ты позвонила, чтобы поиздеваться?

– Нет, папа, – ответила Соня и, сказав «пока!», положила трубку. Потому что именно в этот момент она сама вспомнила, что фамилия родной сестры бабушки – тётки её отца, которая ни разу в жизни не была в зарегистрированном браке, – Семёнова. И тут же вписала её круглыми буквами в кондуит, боясь запамятовать.

Продравшись за каких-то два часа сквозь адреса и места работы близких и не очень родственников, сквозь названия кладбищ и номера могил пращуров, стандартные «участвовали ли вы в боевых действиях» и «есть ли у вас родственники за границей», Соня опять наткнулась на явно американский сектор анкеты: «Ваши жизненные цели и установки?» «Жить», – старательно вывела она. А что прикажете ответить? «Как вы позиционируете свою поездку в Америку? Она нужна вам для карьерного роста? Расширения кругозора?» и т. д. и т. п. И тут, особенно в свете того, что, простите за каламбур, Соне ничего не светило, она ответила честно, что хочет увидеть «бабу с факелом», убедиться в том, что нью-йоркская подземка действительно страшная и грязная, побывать на Бродвее и в Метрополитен-опера и, вообще, хочет, чтобы её нога постояла на континенте по другую сторону океана. Где никогда не бывали её родители, почти все родители родителей, а только прадедушка, расстрелянный в 1917 году. Ну и бабушка, но она мало что помнила, потому что в момент посещения Америки была слишком мала. В 1915 году Сониная бабушка была далеко не бабушкой, а совсем девочкой и было ей всего пять лет. И ещё Соня призналась анкете, что очень хочется хотя бы на пять минут войти под своды Гарвардского университета, потому что он в зубах уже навяз своей легендарностью, известной ей лишь из кино и книжек чуть не с самого раннего детства... Длинная графа получилась.

На вопрос «Курите ли вы?» с массой примечаний о том, что это никоим образом не отразится на решении (на воре шапка горит!), Соня, ни секунды не раздумывая, ответила: «Курю». И, ещё немного подумав, дописала: «Одну пачку в день... Минимум. Всякое ведь в жизни случается».

Ещё у неё поинтересовались, как она относится к гомосексуалистам, попросив уточнить отдельными пунктами лесбиянок, геев и бисексуалов. Не забыли уточнить «гражданскую позицию» по вопросу трансгендеров. Ниже следовал вопрос о мнении по поводу ВИЧ-инфицированных и заключённых... Перечитав пару раз, Соня аккуратненько вывела: «Мне всё равно, в какой цвет человек красит стены собственного дома, потому что я люблю Маркеса за «Сто лет одиночества». Для меня не имеет значения сексуальная ориентация и вероисповедание. А «вор должен сидеть в тюрьме!», но сострадание в пределах разумного никто не отменял. На всё остальное – воля Божья».

Из анкеты (как вовремя!) осторожно поинтересовались на предмет Сониного психического здоровья. Она честно призналась, что в четырнадцать лет было подозрение на эпилепсию и даже шизофрению. Но год спустя диагноз сняли. Просто темпы роста неординарного головного мозга опережали темпы роста обычной черепной коробки.

Составителей это не успокоило, и они поинтересовались, не было ли у Сониных близких родственников психических заболеваний. И, хотя «близкими родственниками» в подобного рода документах считаются родители, братья-сёстры и дети, Соня всегда считала родного дядю очень близким родственником – и честно призналась в наличии шизофреника в семейном анамнезе. В настоящий момент покойного. Подумала и добавила, что математик Нэш хоть и не состоял с ней в кровном родстве, но страдал параноидальной шизофренией, что не помешало ему стать нобелевским лауреатом. И про Эрнеста Хемингуэя, страдавшего маниакально-депрессивным психозом и получившего ту же премию, на всякий случай напомнила чрезмерно любопытной анкете.

Осчастливив «мировую закулису» списком своих научных статей и патентов, она уже свесила язык набок от перенапряжения. А к анкете ещё полагалось приложить ксерокопии! Соня уже немного жалела о том, что взялась за столь непосильный труд, но решила довести начатое до конца с маниакальным упорством, несмотря на очевидную полную бесперспективность.

На вопрос «К чему вы относитесь нетерпимо?» ответила: «К насилию. В любом виде. И к политической пропаганде. Любых партий. Потому что это самый низкий и самый массовый вид насилия». Поэтому интересующимся: «В какой партии состоите?» – без лукавства и лицемерия сказала: «Ни в какой и не уговаривайте!»

Далее, признавшись, что в её жизни были постыдные эпизоды употребления лёгких наркотиков, Соня честно ответила, что не помнит число половых партнёров. Не потому, что их было так много, а потому, что ничего запоминающегося, кроме (см. пункт о смене фамилии), не было. Как на духу призналась, что она – агностик. И чуть-чуть деист. В общем, космополит. То есть вероисповедания не имеет, но в Бога верит и ей плевать на то, какой он национальности и гражданства. Помещения для молитв ей, Соне, не требуется. В качестве духовника сойдёт и любой прохожий, если что. Или просто воздух сотрясти, покаявшись публично. Если будет публика. Или про себя. Если публика предпочтёт более талантливое и кассовое представление, чем Сониная смерть. Белая представительница европеоидной расы. Зубы целые. Все тридцать два. Размер ноги – тридцать седьмой. 89/65/89. С ч/ю. В качестве обряда погребения предпочитает кремацию. Играет на рояле. Не Рахманинов, но с листа читает неплохо. Среднегодовая температура тела – 36,6 °С. Давление 120/80 мм рт. ст. Английский знает неплохо – т. е. всегда сможет ткнуть пальцем в нужный предмет, а также представиться, сообщив всем, что very glad. Отличит представителя пола male от пола female, если увидит его... гормональный профиль. Крайне отрицательно относится к феминизму. Неполиткорректна. Знает значение слов «минет» и «педераст», а также идиомы, обозначающие женские и мужские половые органы.

На вопрос об особенностях характера последовал ответ: «Конфликтный». О взаимоотношениях в коллективе высказалась следующим образом: «В команде работать не умею, потому что обладаю слишком яркой индивидуальностью. Предпочитаю выполнить работу за всех. Причем – за те же деньги».

В графе «Дополнительно о себе» недвусмысленно написала: «Я».

Внимательно перечитала анкету и кое-где расставила скромные немногочисленные смайлики. Впрочем, и без них текст выглядел достаточно идиотическим. Приложила фотографии требуемого размера. Что удивительно – анкета желала фото только в фас. Учитывая вопросов разнообразие и громадье, Соня и требованию изображения профиля не удивилась бы. Или, там, замеров по Бертильону. Затем девушка отксерила все положенные документы. Ещё полдня потратила, нотариально всё заверяя. И, чувствуя себя полной дурой, отнесла увесистый пакет по указанному адресу.

Соню встретила милая девочка, явно американского происхождения, неплохо говорящая по-русски. Провела в одно из офисных помещений и предложила кофе. Задала пару ничего не значащих вопросов из серии «Что вы считаете делом всей своей жизни? К чему стремитесь?» – и тому подобную чепуху. Сонечка выдавала в ответ какие-то нелепицы. Та продолжала улыбаться и одобрительно трусить головой. Минут через пятнадцать они сказали друг другу «до свидания!» – и девочка заверила, что Соне обязательно перезвонят или известят о результатах письмом. «В любом случае».

На прощание милая улыбчивая девочка спросила, насколько серьёзно Соня относится к участию в данном конкурсе. Та со всей возможной серьёзностью ответила, что относится крайне несерьёзно, потому что ей никогда не везло в лотерее. И в то, что повезёт на этот раз, она верит примерно так же, как в Деда Мороза или Санта-Клауса. То есть верит, только когда точно знает, кто на раздаче подарков и есть ли её имя в списке одариваемых. Девочка всё так же жизнерадостно улыбнулась в ответ и голосом робота-автоответчика МТС сообщила, что отбор осуществляется объективно, по определённым критериям, на основании рассмотрения целого ряда параметров. «Ну, – сказала Соня, – тогда мне точно не видать Америки, как своей бабушки на том самом пароходе, что без малого сто лет назад шёл через океан!» Офисная дева снова заученно улыбнулась. А Соне стало интересно, какова будет мимическая реакция, если спеть ей матерные частушки. Невероятным усилием воли она удержала себя от подобного экзерсиса. «Абонент выключен или находится вне зоны действия сети... Абонент выключен или находится вне зоны действия сети...» Девушке явно забыли наапгрейтить опцию «разнообразные эмоции». Либо напротив – усовершенствовали модель путём вживления в мозг чипа «настоящий индеец».

Вечером Соне позвонил тот самый – Любимый и Единственный. Позвонил из другого города другой страны. Сонечка рассказала ему об аванюре с анкетой и передала краткое содержание своих ответов. Он посмеялся и одобрил, заверив, что «правда – это единственно верный способ жить». Почему-то ему она поверила больше, чем полковнику КГБ Кузьмичу. Хотя слова они говорили одни и те же. Наверное, потому, что, в отличие от завхоза-чекиста в отставке, её избранник не врал. Правда, он ещё добавил, что она «балбеска»! Но ей почему-то совсем не было обидно.

* * *

Через два дня раздался звонок, и Соню пригласили на собеседование.

«Шустро у них там!»

На следующий день уже знакомая ей девушка – Энн – поила растворимым кофе не только её, а ещё человек двадцать, собравшихся в переговорной офиса распорядителей грантов.

Дамы были одеты претенциозно и обильно покрыты боевой раскраской. Мужчины – в строгих деловых костюмах. Все были в меру чопорны и прикрывали видимостью собственного превосходства невидимую, но осязаемую, как лёгкий туман, неуверенность в себе. Соня была спокойна, как бронепоезд на запасных путях, ибо знала, что обречена на провал – статист первого акта пьесы после коронного «кушать подано» спокойно отправится по своим делам. И ещё она была, пожалуй, самой молодой на первый взгляд. Может, потому, что была в джинсах, водолазке и кроссовках?

«Ненавижу дресс-код!»

Энн сообщила, что на собеседование будут вызывать по одному. А все пока могут поближе познакомиться друг с другом. Первым приглашался доброволец. Никто не вызвался.

Сонечка оглядела недружелюбные физиономии коллег по участию в конкурсе и решительно вызвалась первой.

«Присяжных заседателей» было человек десять. Ей предложили присесть на стул в центре комнаты. Визуальный ряд происходящего вызвал аллюзии с «Основным инстинктом». «Эх, чёрт побери! Какая досада, что я в джинсах!» – подумалось Сонечке мимолётно. Она присела, закинув ногу на ногу.

В течение минут пятнадцати ей задавали вопросы, мало чем отличавшиеся от анкетных. Слава богу, хоть номера дипломов и паспорта по новой не заставили искать-вспоминать.

Особенно долго Соню пытал один любознательный дяденька. Через переводчика он настойчиво интересовался, знает ли она историю Америки. И ей удалось поразить его в самое сердце стандартными познаниями на уровне средней школы (нашей, разумеется!). Строгая тётенька в очках и мятой блузке железным голосом спросила, как «Сонья» относится к эзотерическим практикам. Еле сдерживая хохот, девушка не менее серьёзно ответила, что человек, работающий в родильно-операционном блоке, начинает верить даже в ритуалы вуду. В общем и целом, они несли друг другу чушь, и лишь один молодой человек, рассматривая Сонины патенты на изобретения, спросил:

– Что, и правда помогает?

– Да, – ответила она. – Как ни удивительно.

– А главное, дёшево! – воскликнул он.

– Всё гениальное – просто, – не удержалась Сонечка от банальности и состроила парню рожицу.

Несколько раз спросили про курение. То ли они были глухие, то ли оперативная память ни к чёрту. Особенно этим фактом интересовался «патентованный» молодой человек.

Засим «слушание дела» было закрыто. Соня пыталась возмутиться – мол, а где же вопросы, касающиеся непосредственно профессиональной деятельности? Но они все так мило и радостно мотали головами и размахивали руками в ответ на реплику: «А ещё я умею зашивать джинсы по Донати»⁵, что грех обижаться.

Энн проводила и ещё раз заверила, что они обязательно перезвонят или известят о результатах письмом. «В любом случае». Соня уже всерьёз начала побаиваться, что из-за этой Энн у неё начнётся дежавю.

Через два дня ей действительно перезвонили. Потом перезвонили ещё. И ещё. Круг «подозрительных лиц» сужался. Процедура была всё та же – вопросы той или иной степени неясности с целью выяснения «психологического портрета» или же?.. Кто поймёт эти загадочные души сотрудников международных организаций? В «финал» вышли четверо – Соня, ещё одна дама и пара мужчин. Равная гендерная пропорция. Политкорректность. А как же! Мало ли... Обвинят в дискриминации по половому принципу. Только при чём здесь, простите, интеллект, психотип и прочие критерии гипотетического «достойнейшего»?

Энн проводила и ещё раз заверила, что они обязательно перезвонят или известят о результатах письмом. В любом случае...

Ну вот, дежавю!

⁵ Разновидность авторской методики ушивания раны.

* * *

Ещё через неделю Соне позвонил отец и сказал, что на её имя два дня назад пришло большое и толстое письмо, всё обклеенное иностранными марками и подписанное непонятными буквами. Ну да, конечно. Адрес-то был указан из паспорта – по месту прописки. Поблагодарив его за невероятную своевременность, она назначила ему встречу на нейтральной территории и попросила доставить конверт в целости и сохранности. На что он горделиво заявил, что грудью защитил личную корреспонденцию от маминых посягательств на вскрытие. Глухо прорычав сквозь зубы: «Через полчаса!» – Соня немедленно выдвинулась.

В официальной эпистоле сообщалось, что Соня получила грант ООН на стажировку в Соединённых Штатах Америки, в связи с чем её просят перезвонить или связаться по факсу/электронной почте не позже... Блин!!! Не позже сегодняшнего числа и подтвердить своё согласие. В том случае, если фонд не будет извещён о согласии, кандидатура будет снята в соответствии с пунктом: «форс-мажорные обстоятельства». Вы представляете, каких волевых усилий стоило Соне сохранить христианское человеколюбие? Даже не попрощавшись с отцом, она рванула в ближайший сквер и набрала телефонный номер, указанный в письме.

Отзвонившись, она присела на скамейку и закурила. Ей отчего-то стало грустно. Совсем не хотелось уезжать от того, кто был ей дороже жизни, не говоря уже о каких-то зарубежных стажировках. Ну чего она не видала в той Америке? Гамбургеров и неправильного пива? Зачем ей медицинская стажировка, если собралась увольняться? Подавив желание немедленно набрать его номер, Соня принялась за изучение официальных бланков, в большом количестве имевшихся в конверте.

Единственное, что она уяснила на фоне мысленного и душевного сумбура: участников программы собирают на трёхдневный семинар-тренинг с оплаченным проживанием и питанием в не самой плохой гостинице города, где инструкторы и тренеры («О Господи! Спортивные сборы какие-то!») будут рассказывать, как переходить улицу в Соединённых Штатах Америки, как пользоваться ножом и вилок в Соединённых Штатах Америки, как пережить культурный шок от Соединённых Штатов Америки и как правильно называть сильно смуглых людей, очень толстых тёток, дядек и моральных уродов в стране «больших возможностей». И первые сборы – уже завтра. То есть именно тогда, когда Сонино присутствие столь необходимо на кафедре, в клинике и профессорше лично. К слову, она после совместного alcohol-party стала ядовитее обычного. Впрочем...

«Мелочь, но приятно!» – хихикнула про себя Сонечка и набрала кафедральный телефон.

Трубку, как всегда, взяла лаборантка. Соня сообщила, что на кафедру сегодня уже не вернётся – потому как возникли непредвиденные обстоятельства, попросила сообщить Наталье Борисовне, что её, Сони, не будет ближайшие три дня. Ибо она, Соня, отбывает на программу подготовки к космическому полёту в Соединённые Штаты Америки. Со сдержанным благородством ответила лаборантке «спасибо» на полуофициальные возгласы радости-зависти, нажала отбой и... отключила телефон.

Следующими по плану значились спасительные: бутылка водки и электронная почта. Потому что если разговаривать с мужем по телефону столько, сколько хочется, – жить будет не на что. И негде.

Бог иногда любит пошутить. Сообщил родители вовремя о письме, Соня, скорее всего, отказалась бы. А так – времени «на подумать» не нашлось. А верные решения эта девушка принимала лишь при условии выключенной ментальной функции. Хотя сама Соня так не думала. Так думал тот – Самый Замечательный Парень, – переписка с которым не раз спасительно срабатывала лучше всяких успокоительных вкупе со снотворным. Так что...

Они пили водку в on-line режиме, болтали и... И не скажу вам, чем ещё занимались.

Конечно, хорошее дело «паучьей сетью» не назовут. Так ведь и люди – не мухи! К тому же, не будь Интернета, благословил бы Соню её единственный на заокеанскую авантюру? Кто знает. На риторические вопросы ответы не требуются. Для тех, кто понимает, естественно.

* * *

В конференц-зале гостиницы собралась разношёрстная компания. Человек пятнадцать из разных городов нашей мама-не-горюй Родины и человек десять представителей фонда – американцев и не очень.

Всё утро «десятка» с той стороны баррикад несла тексты на манер:

– Хэллоу! Май нэйм из Кэт!

Далее следовала должность (как правило, очень длинная и не совсем понятная), ведомство, которое эта самая «Кэт» представляет (ещё длиннее и непонятнее), забавные подробности из жизни «Кэт» (а-ля «Когда мне было три года, родители уронили меня с лестницы. Ха-ха-ха!»). После чего очередная «Кэт» или очередной «Джон» делали серьёзное лицо и рассказывали о целях и задачах как Организации Объединённых Наций в целом, так и отдельных её подразделений, а также о глобальной роли каждого винтика «Джон» и каждой гаечки «Кэт» в улучшении жития-бытия во вселенной. Что-то типа: «Я, Кэт (или Джон), работая представителем представительства в представительстве представительства, представляю интересы интересов всех интересующихся интересами представительства. Тем самым способствую процветанию процветания и борьбе с борьбой за мир во всём мире!»

Соне очень хотелось поднять руку и спросить, что же на самом деле делает та самая Кэт или тот самый Джон. Ну, там, клизмы ставит в хосписе или раздаёт бесплатные шприцы наркоманам? Или же сидит в офисе и занимается составлением отчётов о том, как всё распрекрасно в субсахариальной Африке? Потому что если бы все деньги, потраченные за годы существования ООН на благоустройство субсахариальной Африки, были бы потрачены именно на это самое благоустройство, то у каждого тамошнего субсахариального жителя должен уже быть не вспухший от голода живот, туберкулёз и прочая нищета и оппортунистические инфекции, а личный особняк со штатом прислуги. Но Соня ничего такого не спрашивала. Во-первых, из приличия. Во-вторых, потому что боролась со сном. Это очень сложно – не уснуть под речи о международной обстановке и роли Кэт (или Джона) в оной.

Сонины коллеги тщательно записывали всё в заранее выданные блокнотики, не забыв нацепить на себя розданные при регистрации бейджики с именами. У Сонечки тоже был опознавательный номер. Но чёрт возьми! Она была в водолазке. «Василии» и «Елены», как приличные, закусили «крокодильчики» на лацканах пиджаков и отворотах блузок. Соня же, как собака в дог-отеле, сидела со своим именем на шее. Причём и тут её прописали не как всех приличных людей. Не Софьей. А именно Соней.

Спустя три кофе-брейка она очумела. И, судя по взмыленным физиономиям «товарищей по несчастью», они тоже были явно не в себе. Потому что ни к чему так напрягаться. Соня, к примеру, давно перестала слушать о роли белого человека с деньгами в той самой всё так же нищей субсахариальной Африке, Индии, Восточной Европе и прочих коллекторах зла, голода и болезней. Она, Соня, и так за мир во всём мире безо всяких денег. И, честно говоря, жрать хочется... Простите, есть. Но очень сильно!

После довольно неплохого обеда (увы, без капли спиртного), остатками от которого можно было бы накормить немало действительно голодающих, игрища продолжились. Только теперь представлялись «наши».

Отечественные «Василии» и «Елены» были куда как утомительнее американцев. Это постараться надо было! Во-первых, наши жутко смущались, краснели и начинали потеть. Во-вторых, они не утомляли никого «забавными» подробностями из личной жизни, а нудно бубнили об «этапах боевого пути», зачастую скатываясь, как герои Ильфа и Петрова, в описание пресловутой «международной обстановки», которой уже сами себе и всем американцы успели поднадоесть. Только наши делали это картонно, без страсти, в отличие от заокеанских братьев и сестёр. Вот так вот. И наши говорили об этой самой обстановке и о роли их лечебного учреждения в таковой. Неизвестно, что страшнее. Из негласного регламента они выбивались по полной, но добродушные американцы никого не перебивали, радостно труся головами даже в ответ на дебильные тексты, напоминавшие доклад в минсоцздраве.

Когда очередь дошла до Сонечки, она назвалась «СонБей», всё равно уж... И честно сказала, что в Америку хочет, но без фанатизма. Потому что рано или поздно всё равно в ней окажется. И, желательно, морским путём. Но она не против посетить оазис демократии за казённый счёт. Здравоохранение её, откровенно говоря, интересует примерно так же, как международная и межгалактическая обстановка. А больше интересуют люди. Отдельные люди, а не нации, народы и всеобщее процветание. Потому что всеобщее процветание – дружное, но, увы, недолгое – она встречала только у тюльпанов на клумбе. Всё остальное уважаемым дамам и господам наверняка известно из анкеты, включая такие интимнейшие подробности, как девичья фамилия бабушки и отчество самца с предпочтительным запахом. Соотечественники смотрели на Соню... Помните, как косились соискатели «чёрного похоронного костюма» на быстрого ушастого афроамериканца в фильме «МІВ»⁶, после того как он пристрелил муляж шестилетней девочки с учебником ядерной физики под мышкой?.. Вот-вот. Укоризненно.

Американцы заученно-радостно заулыбались и объявили очередной кофе-брейк.

Сограждане и так не торопились знакомиться с Соней, а после своей короткой речи девушка и вовсе оказалась в вакууме, что, правда, её ничуть не расстроило. Ей вполне хватало собственного общества. Но каково же было её удивление, когда к ней подошёл молодой человек, интересовавшийся патентами, и пригласил... на совместный перекур в холл гостиницы. Соня горделиво проследовала мимо открывших рот соратников, еле сдержав желание показать им язык. Всё-таки мальчишества ей было не занимать. Поэтому, нагло взяв под руку американца, она обернулась и... всё-таки показала им язык. А что такого? Эйнштейна она любила с детства.

Последующие два дня вся группа играла в игры и предавалась всяческим маразмам. Водили хороводы. Объяснялись и задавали вопросы с помощью жестов. И так далее, и тому подобное в том же духе. Косность Сониных соотечественников была просто гениальна. В комнате, полной флип-чартов и фломастеров, они упорно продолжали строить друг другу «коз», мужественно выполняя задание инструктора: «Без слов объясните полицейскому, что вы заблудились». «Без слов», но не без рисунков же! Когда подошла Сонина очередь, она просто нарисовала компас и рядом знак вопроса, человечка – и ткнула в себя пальцем. Американцы восторгались, как дети. Наши – дулись, как детсадовцы.

⁶ МІВ – Men In Black, «Люди в чёрном», кинофильм, 1997 г., США.

Было окучено громадьё каких-то смешных тестов, в том числе на IQ. Несмотря на очевидный идиотизм – на взгляд сотоварищи – иных ответов, коэффициент интеллекта у Сонечки вышел просто сногшибательный. Что-то там больше 130. Хотя совершенно непонятно, за что. Да и вообще, есть ли у интеллекта коэффициент? Ага. А у козы – барабан. Вопросы тестов были, скорее, на сообразительность. Сообразительность – она у любого толкового крестьянина есть. Или логика. При чём здесь интеллект? Соня очень этим тестам удивлялась. Например, вопрос: «Зачеркните лишнее слово в ряду: 1. коза; 2. кофе; 3. корова; 4. лошадь». Все коллеги, заглядывая друг другу в листочки и советуясь, как двоечники, которым разрешили списывать, безжалостно удалили «кофе». Потому как он, видите ли, напиток, а не животное. Соня же удалила «лошадь», и все презрительно похихикали в её сторону. А между тем яснее ясного, что как раз «лошадь» там не к месту, потому как все слова в ряду начинались на букву «к». Ну и... молока к кофе от неё не дождёшься!

Одно из заданий называлось «Сто фактов о себе». Было заявлено, что это что-то вроде конкурса и победитель будет «королём/королевой» сегодняшнего заключительного банкета, закрывающего семинар-подготовку. На выполнение давалось два часа. Соня была свободна уже минут через пятнадцать. И, пока коллеги пыхтели и сопели, отправилась в бар гостиницы испить, наконец, нормальный кофе, потому что кофейный порошок с кофейных же семинарских перерывов уже вызывал желудочные спазмы.

«Ещё гастрита не хватало!»

После обеда было запланировано объявление победителя шутилой биографии-резюме. Пошушукавшись, американцы делегировали зачитывать победившие «Сто фактов» «патентованно-куращего» молодого человека. Он, радостно улыбаясь, похвалил всех от щедрот душевных так, что Соня чуть не захлебнулась в изливающимся из него сиропе. Зачитал особо понравившиеся из пары-тройки листочков пункты фасона: «Я за борьбу за мир во всем мире с помощью миротворческих формирований», «Я против расовой дискриминации, а также лиц кавказской национальности» и «В 1989 году я защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Зависимость частоты половых актов жителей Москвы от урожая пшеницы в Краснодарском крае». И приступил к прочтению «королевских», по мнению американской стороны, «Ста фактов».

Заученная уже было до автоматизма улыбка сползла с Сониного вытянувшегося лица, когда она услышала до крайней забавности искажённый американским акцентом следующий русскоязычный текст:

1. Меня родили.
2. Теперь живу.
3. Правда, нравилось.
4. И теперь тоже.
5. Но сначала больше – читать.
6. Но много.
7. Как-то укакалась в яслях.
8. Пришлось написать об этом.
9. Ненавидела маму и публичный позор.
10. У меня очень хорошая память.
11. Теперь пишу больше и меньше ненавижу.
12. Но сначала пошла в школу.
13. И в музыкальную.

14. И на плавание.
15. «Титаник» на айсберг – детский сад.
16. Мама хотела «голубую ленту», а я выплывала во льдах.
17. В девятом классе вдруг оказалась очень красивая.
18. Первыми это заметили мальчики.
19. Потом заметили мужчины.
20. Потом я.
21. Но была слишком занята – я получала золотую медаль.
22. Но журналисты не приняли меня в alma mater.
23. А до лечебного факультета мединститута было ближе.
24. Нарушение презумпции невиновности повлекло за собой курение.
25. И много прочего.
26. Среди приятного.
27. И не очень.
28. Как-то стала мисс круиз.
29. Странно – мама говорила, что я чудовище.
30. Мне подарили дорогие жемчужные серьги.
31. Чудовищная справедливость.
32. У меня был хороший друг.
33. Но мама говорила, что я чудовище.
34. Теперь его совсем нет.
35. Но есть врачи, которые не знают патогенез действия вводимых растворов.
36. О табу на «священных коров» я вспоминала, когда уже доедала.
37. Но за своим столом.
38. Об этом стоило писать.
39. Сначала – на полях.
40. Потом – сценарии команде КВН своего вуза.
41. Училась отлично.
42. Диплом – «выход в красное».
43. Хорошая память – верное средство от нерешительности.
44. Удостоверение врача акушера-гинеколога высшей квалификационной категории.
45. Кандидатская диссертация.
46. Зачем?
47. Действительно было интересно.
48. И столько людей!
49. Но скверный характер.
50. «Ах, как вы нетерпимы к людям!»
51. Но легко с ними схожусь.
52. Марихуана.
53. Водка.
54. Виски.
55. Абсент.
- 56...
57. Философский факультет университета.
58. Шутка?
- 59...
60. Кесарево сечение.
61. Реанимация.
62. Первый рассвет.

- 63...
64. Вскрытие плодных пузырей – на рассвете.
65. Ушивание промежностей – на закате.
66. Чужая боль.
67. Не нравится.
68. Не хочу быть врачом.
69. И не буду.
70. Море.
71. Ночью.
72. Гладкие камни под ладонями ног.
- 73...
74. Лес.
75. Грибы.
76. Особенно молодые лисички.
- 77...
78. Много читать.
79. Особенно писать.
80. И столько людей!
81. Если все, кроме одного, умрут – ничего не изменится.
82. Если и Он – не останется никого.
- 83...
84. Хочу увидеть Ниагарский водопад.
85. Снега Килиманджаро.
86. Люблю молодую телятину.
87. И судака под чесночным соусом.
88. Поэзия – это...
89. Не могу сказать.
- 90...
91. Всё равно, что обо мне думают люди.
92. Разве есть ещё кто-то, кроме Него и меня?
- 93...
94. Поэзия.
95. Я даже готова отказаться от молодой телятины.
96. И моря.
97. И леса.
98. Потому что люблю.
99. Всё «...» – Сумасшествие и Любовь.
100. Больше мне нечего сказать.

К концу прочтения в зале стояла гробовая тишина. Тётя, прежде задававшая Соне «эзотерические вопросы», утирала слезу. Американцы вообще очень сентиментальны. Наши же пытались делать «соответствующие моменту» выражения лиц. Не надо было быть Станиславским, чтобы крикнуть «не верю!». Их мимическая мускулатура складывалась в композицию: «Что за хрень?!» А что же думала Соня?

«Если ты что-нибудь пишешь, будь готов к тому, что это кто-нибудь прочтает. Я наверняка выживу на любом «Титанике». Не извольте беспокоиться!»

Вот, приблизительно так думала.

Впрочем, все эти три дня она пережила лишь потому, что в гостинице был бар, а в номере – заначенная бутылка коньяка.

Вечеринка прошла «в тёплой и дружественной» под несколько удивлённые взгляды американцев в сторону наших дам, обвешанных золотыми украшениями, как собаки медалями на выставке. Соня же, сменив водолазку на... водолазку чёрную, чувствовала себя замечательно. Просьбами никто не донимал, к колену никто не прикладывался. Да и ей самой ничего не требовалось. Её Мастер, слава богу, избавил Соню от необходимости что-то решать за него.

Под лёгкую закуску и ещё менее обременительные напитки всем сообщили, что через месяц их соберут в последний раз, чтобы окончательно проинструктировать, выдать билеты и визы и сообщить, кто в какой город и по какой программе отправится.

Характерно, что этот немаловажный вопрос до сих пор ни разу ни у кого не возник. Америка для большинства соотечественников всё ещё оставалась просто Америкой – большим радужным мыльным пузырьём, а не страной с отдельными штатами, городами и просто людьми с их, ни много ни мало, просто жизнью.

Всё такая же примерно любезная Энн собрала заграничные паспорта, и обстановка окончательно перестала быть официальной.

Тут, кстати, и выяснилось, что большинство соотечественников курит. Как же они терпели целых три дня?

– Люди готовы врать и лицемерить, лишь бы получить то, что кажется им желанным. Даже в мелочах. И это особенно неприятно.

Сонечка стояла в сторонке с тем самым единственным курящим молодым американцем.

– Почему? Ведь это всего лишь курение.

– Не знаю. Всего лишь курение. Всего лишь враньё. Всего лишь... жизнь.

Он молчал, придав лицу глубокомысленное выражение.

– Можно задать вам не совсем корректный вопрос?

– Да, конечно.

– Каким образом я вообще оказалась в финалистах?

– На основании изучения данных анкеты и вас лично, – собеседник улыбнулся.

– Вы читали мою анкету?

– Да.

– Нет, вы лично читали мою анкету?

– Я читал абсолютно все анкеты.

– И вам ничего не показалось странным?

– Отнюдь нет, – всё так же серьёзно ответил он, но во взгляде проскочила смешинка.

– Даже тот факт, что я не собираюсь связывать своё будущее с медициной?

– Напротив.

– Что значит «напротив»? – удивилась Соня.

– Это значит, что нам нужен человек, который может работать в Организации Объединённых Наций. Или в представительстве Американского Альянса Здравоохранения. Или в подобной организации. Человек умный. Образованный. Контактный. В меру честлюбивый, но с внутренней планкой. Способный к самостоятельным решениям. Учитывающий мнение толпы, но не идущий на поводу и не подстраивающийся под неё. Честный, но умеющий манипулировать аудиторией. Молодой, красивый, хороший и... счастливый. Поверьте, последнее – немаловажное обстоятельство. Вы идеально соответствуете.

– Соответствую чему?

– Той миссии, которую выполняет Организация Объединённых Наций и её всевозможные подразделения и прочие «под эгидой», – Сонин собеседник прищурился и несколько шутковски махнул рукой.

– Ну, знаете! Меня – на роль луча света в тёмном царстве?! – она рассмеялась. – А если не захочу?

– Это ваше право, – визави мягко улыбнулся. – Все прочие написали, что не видят себя вне клинической медицины.

– И тоже врали. Как минимум двое из присутствующих спят и видят ухватить от жизни кусочек пожирнее и совсем не прочь сменить ради этого специальность.

– Это их право. Но вы-то знаете, что Главный Бухгалтер, – при этих словах он возвёл глаза вверх, – способен отличить поддельные купюры от настоящих.

– Но я же курю! – ничуть не смутившись таким его странным поведением, настаивала Соня.

– И что с того? Я тоже...

* * *

Подошёл стюард с влажной салфеткой и сухим полотенцем. Дышала Сонечка, как астматик во время приступа, пот катился градом, а цвет лица был самый что ни на есть апоплексический. Она швырнула ручную кладь прямо в проход и тяжело шлёпнулась в кресло. Очередной тест на выживание и сообразительность? Кажется, из-за неё задержали рейс. Ненадолго, конечно, но всё равно неудобно. Стюард авиакомпании «Люфтганза» был само совершенство. Наверняка такими были дворецкие у самых древнейших дворянских родов. Он изысканно-сдержанно, без тени даже невербального упрёка подал Соне необходимое для приведения себя в порядок, поместил её сумку в гнездо и спросил, не нужно ли чего-нибудь. Принёс бутылку минеральной воды и стакан апельсинового сока и лишь после этого попросил пристегнуть ремень.

Аэробус, следующий по маршруту Франкфурт – Бостон, вырливал на взлётную полосу...

Соня не особо переживала по поводу лечебных и кафедральных обязанностей. А лучший в мире мужчина сумел успокоить на предмет их временного расставания: «Ты – в Америку стажироваться. Я – в Европу работать. Земной шар так мал, деточка». Они закатили грандиозную субботне-воскресную пьянку на двоих. Пили виски. И он учил её целоваться. Они смотрели дурацкие комедии и фильмы со Шварценеггером. А ещё какой-то псевдоисторический фильм с Мэлом Гибсоном в главной роли о войне за независимость США. Ведь Соня летела не куда-нибудь, а в Бостон. Одна-единственная из всех она летела в столицу штата Массачусетс, столицу культуры и медицины. Город студентов, врачей, учителей и моряков. Город, с которого начались Соединённые Штаты Америки. Не обошлось, видать, без её маниакального желания поваляться на газонах Гарвардского университета. Ох, не обошлось.

Он проводил её.

Целуя его, она старалась не думать о том, что некоторое время не сможет вдохнуть его такой родной запах, не почувствует... Впрочем...

«Что за чушь?! Я всегда могу закрыть глаза и прикоснуться к тебе. Нагваль-то открыт круглосуточно!»

Из родных пенатов до Франкфурта перелёт был недолгим, и никаких неожиданностей не произошло. Уже оказавшись в здании аэропорта, размером со средний губернский город, Соня, заглянув в билет, с ужасом осознала, что на всё про всё, включая поиски терминала

ЁКЛМ-надцать, перерегистрацию багажа, прохождение двух таможен и закупку спиртного в duty free, у неё... сорок пять минут. Но «Титаник»-то утонул быстрее! Или нет?

Немецкие таможенники – стройные и в тёмных рубашках, вежливо-прохладные – досмотрели даже каблуки сапог, которые, на счастье, не были набиты ни секретными микроплёнками, ни героином. (Американцы же позже – полные и в белом – оказались куда как безалабернее: они вальяжно желали всем проходящим «Welcome!», категорически отказываясь досматривать багаж.)

Над «Титаником» уже смыкались воды, когда Соня стремительно покрывала последние метры «рукава», соединяющего неподвижный аэропорт с подрагивающим от нетерпения летательным аппаратом.

Через положенное количество часов, совершенно обалдев от апельсинового сока и спиртного – ими девушка обильно запивала каждое сообщение пилота о высоте и забортной температуре, – Соня сквозь чрезмерно благодушную американскую таможенную вывалилась к транспортёру багажной ленты аэропорта Логан и, выудив свой чемоданчик, покатила неведомо куда, с мутной, но конкретной целью – курить! Чуть не сбив с ног высокого молодого человека в боксёрке, державшего табличку с её именем.

– Джош, – сказал он, косясь на пачку сигарет у Сони в руке.

– Соня. И... если я не покурю в течение ближайшей четверти часа, образ моей жизни станет сильно нездоров! И ещё! Я люблю выпить, и мне срочно нужен телефон, Интернет, телеграф и мосты!

Выслушав сию тираду, молодой американский красавец спокойно взял из рук русской девушки её чемодан и предложил следовать за ним, сопроводив в качестве резюме фразой: «Курить можно в машине».

Блаженно затянувшись, Соня вспомнила, что на очередном инструктаже им говорили, что курить в машине – чуть ли не федеральное преступление.

– Я курю, – сказал Джош и улыбнулся.

«Он что, читает мысли?» – мелькнуло у Сони в голове.

– Нет. Просто было очевидно, что именно вас удивит.

«Всё, конечная остановка. Приехали! Стоп! Но я же думаю на родном языке!»

– Есть некоторые сферы бытия, которые языкознание не в состоянии даже описать, не то что понять. Вавилонская башня – замок на песке! – отрывисто, но внятно сказал Джош, вырывая со стоянки.

«Genesis⁷. Он сказал «genesis»! Так, какие там варианты перевода у этого слова? Лучше я ещё просто бездумно покурю».

Он снова улыбнулся.

Джош привёз Соню в гостиницу, помог с оформлением, собственноручно отнёс в номер багаж и, показав пальцем на прикроватную тумбочку, сказал: «Телефон». И, не задавая глупых вопросов «не хотите ли отдохнуть?» и не объясняя, «как пройти», просто отвёл Соню в интернет-кафе, пожелав приятного отдыха и сказав, что заедет за ней завтра утром ровно в восемь a.m.

⁷ Бытие (англ.)

Соню с первого же момента заинтересовал этот высокий брюнет. Позже выяснится, что больничная пижама будет идти ему ничуть не меньше боксёрки, что он всегда говорит правду, правду и ничего, кроме правды. Что образом мысли, состоянием души и тела, особенностями реакций, способностями и непроницаемой тончайшей иронией напоминает ей самого главного человека её жизни, если бы не одно «но». Впрочем, может, оно и к лучшему?..

Но всё это будет завтра. А сейчас Соня сидит, уткнувшись в монитор, смеясь и плача одновременно.

«Привет, Маленькая моя Ненаглядина.

Проводил тебя. Вернулся домой. И... Далее процесс в режиме on-line выглядел приблизительно так:

Часть первая. Разгон

Первую рюмку водки я выпил с горя, оттого что не успел купить тебе минералки, как обещал... расстроиться не успел, потому как сразу нОлил ещё и...

Вторую выпил за то, что, говорят, любимые от этого не умирают... (целую...)

Третью – разглядывая твою моську в фотоаппарате... (целую опять...)

Четвёртую – в ужасе от того, что не могу толком склеить и двух слов... (какие, в задницу, стихи – вся поэзия улетела на самолёте вместе с лёгким помешательством и нежным трепетом отчаяния на твоём лице...)

Пятую – вновь радуясь и надеясь на то, что ты хорошая девочка, умница и не будешь забивать свою головку параноидальными сомнениями по поводу происходящего... (крепко прижимаю тебя к себе, где ты и останешься до окончания времён...)

Шестую – ПРОСТО ЛЮБЯ ТЕБЯ...

Седьмую – размышляя над интерьером нашей спальни...

Водка кончилась...

Часть вторая. Откат

Минус первая рюмка – прикидываю твоё постполётное состояние и тихо начинаю беситься...

Минус вторая – глядя в окно и вынюхивая тебя из пальцев рук...

Минус третья – твоё мокрое лицо в душе... полуприкрытые веки...

Минус четвёртая – какие-то люди сейчас смотрят на тебя и разговаривают с тобой, а я разговариваю с фотографией... где справедливость?!

Минус пятая – НИКОГДА и НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕ БОЙСЯ, пока ты со мной! (Запятую и слово «пока» замени на тире. Описка, блин...)

Минус шестая – представляю, сколько тебе придётся отложить, чтобы прочитать это... (хмурюсь, но не злюсь...)

Минус последняя – посадив тебя на самолёт – ощущение, что отправил малое дитя с командой эзков на лесоповал...

Похмелье кончилось...

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.

P.S. В командировке веди себя прилично, работу работай справно, свободное время используй только на сон, приём пищи и... ну и, там... пидай регулярно и не забывай закрывать входную дверь.

Целую».

– Вам плохо? – спросил Соню благообразный пожилой человек на улице, куда она вышла покурить.

– Нет. Мне хорошо. Мне очень хорошо.

– Почему тогда вы плачете?

– Потому что я сходила вовремя пописать и у меня культурный шок после посещения местного рест-рума.

– Ахха, – он издал какой-то горловой звук с непроницаемым выражением лица. Возможно, списал ответ девушки на плохое знание английского. – Откуда вы? У вас знакомый акцент, – решил уточнить он.

– Из России.

– Понятно. У меня прабабушка из России. Так что я тоже могу считаться русским, – продолжил словоохотливый старикан, – и она, моя прабабушка, тоже курила. Она говорила, что и принцесса Романова курила.

– Какая?

– Что «какая»?

– Какая принцесса? У Николая Романова было четыре дочери.

– Русские женщины – самые загадочные, – изрёк чистенький глянцевоый дедуган, рассмеявшись, и ретировался, пожелав Соне приятного пребывания в Штатах. Можно предположить, что у него тоже случился культурный шок.

«Могу считаться ру-усским...»

Считаться и быть – что кривляться и плыть.

P.S.

«В некоторых словарях недостаёт честного слова».

Станислав Ежи Лец, некто, слывший не то сатириком, не то юмористом, не то циником, не то философом.

Хроники XXI века

P.P.S.

«Кто долго думает, не всегда находит лучшее решение».

Иоганн Вольфганг Гёте, предположительно – великий немецкий писатель, поэт и драматург. Некоторые древние источники указывают на то, что он был юристом.

Хроники XXI века

Глава третья

Политкорректно-человекообразное

– Как вы относитесь к гомосексуалистам?

– Я к ним не отношусь.

Из интервью с мэром Третьего Рима, вошедшим в историю под прозвищем Кепка.

Хроники XXI века

Да, я не политкорректен и отрицательно отношусь к педерастам! Прыщавый юноша, имени которого никто уже не помнит, не сдавший во время летней сессии математику и философию, потому как вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, участвовал в демонстрации протеста против «гомосеков».

Хроники XXI века

Чем больше узнаю гетеросексуалов, тем больше нравятся гомосексуалисты.

Одна никому не известная эгоистичная бездельница.

Хроники XXI века

Он был невероятно хорош собой. Фантастически красив.

Можете представить воплощённую девичью грёзу? Это была она. Вези его в Голливуд, снимай как есть – и показывай.

Двухметрового роста. Фигура – насколько вообще может быть идеален мужской фенотип. Ни грамма жира. Безупречные мышцы. Лицо – аристократическое, с лёгкой паутинкой этноса в чертах. Опуская «розовые слюни», можно сказать: «Всё в нём было совершенно». Форма головы. Волосы цвета воронова крыла (без метафор). Густые, блестящие и невероятно прямые, зачёсанные назад, аккуратно до седьмого шейного позвонка. И добавьте к этому миндалевидные, слегка раскосые глаза цвета ультрамарин и ироничный взгляд. Совершенный Самец.

Природа расщедрилась не на шутку: он к тому же был умён, образован, начитан, пластичен и непереносимо обаятелен. В нужные моменты подвижен, а когда требовала ситуация – мог замереть статуей. Абсолютно окаменеть. В этом безукоризненном владении телом было что-то демоническое. Видимо, тело было благодарно ему за то, что он не употреблял перманентный фаст-фуд и кофе «Данкин-Донатс», «Старбакс» и тому подобное на каждой конференции или клиническом разборе – то есть минимум пять-шесть подходов в течение дня. Ибо для среднего американца поллитровая чашка кофе вкупе с каким-нибудь ароматизированным пластификатором – всё равно что для нас перекур.

Но, слава богу, Голливуд и глянцево-журнальные до него не добрались. Он был медбратом MGH-госпиталя (по-нашему – главной больницы штата Массачусетс). Это было настоящее чудо. И это чудо звали Джош.

Соня была стажёркой, он – её «поводырём».

Медбрат с дипломом (есть такая у них градация «с дипломом»/«без диплома») исполняет, по сути, врачебные обязанности: обход, назначения и проч. Джош был прекрасным медбратом. Обязанности выполнял быстро, квалифицированно и легко. Пациентки влюблялись с первого его полувзгляда в их... медицинскую страховку.

«Ну, чему меня, прости господи, могут научить американские эскулапы? Да я «кесарёво сечение», не будучи таким уж крутым специалистом, не делаю по два с половиной часа, если,

конечно, осложнений нет. А эпизиотомии и прочие мелочи вообще с закрытыми глазами в хмельном виде на автомате исполню (спасибо одной опытнейшей акушерке в моём персональном анамнезе). И, вообще, я в Бостон приехала учиться бороться со СПИДом, спасибо дорогому правительству США, а также одной Организации, призванной объединять нации. Особо учиться нечему, разве что на тутошние диагностическую аппаратуру, операционное оборудование и медикаментозные возможности рот на ширину плеч не раскрывать с утра до ночи. Госпиталю я тоже тут не сильно чтобы нужна. Вот и «повесило» меня руководство клиники на бедного Джоша, чтобы он меня развлекал».

На Сонино кокетство великолепный медбрат отвечал взаимностью, без малейшего высокомерия исправлял отвратительное произношение и даже позволил ей потрогать его чудесные волосы (за чем не последовало статьи за сексизм, расизм, нарушение *privacy* и заигрывание на рабочем месте). Был изысканно терпелив, отвечая на её, порой нелепые, вопросы и поправляя откровенно смешные ляпсусы (Соня, к примеру, всё время пыталась ломиться в двери лаборатории, забывая о кусочке «пропускного» пластика в кармане халата). В лабораторию они ходили особенно часто. Не за тем, что можно было бы предположить. Они ходили курить.

Джош принадлежал к Тайной Лиге Курильщиков, к коей отрицательно относились в МGH. Он и познакомил Соню с Джимом. Тот – начальник лаборатории госпиталя – клал на всех «с прибором», ибо курил прочно, а на своей должности сидел крепко, ещё с давно прошедшей вьетнамской войны дружа с одним из нынешних сенаторов от штата Массачусетс. И они – Джош, Джим и Соня – стали курить «на троих».

Джош много рассказывал Соне о Джиме. Про то, как тот – полуирландец-полуполяк по национальному происхождению, но совершеннейший американец по духу и гражданству – во Вьетнаме командовал взводом химразведки. Про сенатора, с которым он подружился на веки вечные. И про то, как Джиму одиноко. Об Америке много рассказывал в общем. И про борьбу со СПИДом в частности. Соня по мере сил не отставала. И в рекордно короткие сроки у них сложились великолепные отношения. Родилось большое и чистое чувство. И это чувство было... дружбой.

В процессе выяснилось, откуда у Джоша та самая очаровательная этническая паутинка в чертах – где-то на тринадцать двадцать пятых он был индейцем. Причём индейцем довольно богатым. Да чего уж там! До чертей собачьих не бедным! Прапрадедушка Джоша миллион лет назад не продал бледнолицым братьям участок земли в Техасе (или Аризоне, или Небраске), не забыв перекопать его вдоль и поперёк палкой-копалкой, и неприлично разбогател ещё в раннем докембрии, поставив именной вентиль на нефтяной фонтан. И дети у него вышли отличные – вентиль содержали в порядке со всеми вытекающими для их детей и детей их детей последствиями. Так что Джошу оставалось-то – вентиль караулить да жить-поживать и наследство проживать. А это было нелегко, ибо он не кутил, работал и... В общем, как нормальный мужчина был самодостаточен.

Приближался конец первой бездельной рабочей недели.

Соня уже мысленно мерила шагами набережную реки Чарльз, показывала фиги акулам в аквариуме и слушала Бостонский симфонический оркестр. Инструкторы программы подготовки сумели настроить её на то, что пресловутой нашей «кухонной» ментальности в Соединённых Штатах Америки не жди – дружба дружбой, а пирожки врозь! Каково же было её удивление, когда Джош запросто за перекуром сообщил (не спросил, заметьте, а констатировал), что завтра в 9.00 a.m. заедет за ней, поинтересовался, какой цвет Сонья вообще предпочитает и что – обычно – выпивает. Поперхнувшись дымом от неожиданности, Соня ответила что-то вроде: «Небесный. Водку-текилу-виски-абсент-коньяк» – и спросила: «А, собственно, зачем?» Но тут вклинился надувшийся Джим, сообщив, что хотел пригласить Сонью

в Салем, потому как давно не посещал свой «садово-огородный» участок «с сарайчиком», и, собственно, собрался мыть сегодня своего пса с парой литров шампуня для особо вонючих собак, дабы от него не несло в машине всю дорогу. Джош объяснил, что хочет познакомить Соню со своим другом Майклом, а Джиму сказал что-то вроде: давно ты у нас в гостях не был, старый хрен! Это переходит уже все границы! В Салем мы поедем все вместе на следующий уикенд и в четыре лопаты вскопаем твои «шесть соток» и «картошкой засадим»...

Уснула Соня без лишних мечтаний, ибо была очень утомлена впечатлениями истекшей недели – особенно вынужденным «сухим законом» и тем, что покурить перед сном можно было только спустившись в подземный гараж гостиницы. А это уже, согласитесь, не тот кайф. Но всё же. Потому во время суетливых затяжек в подвально-пижамной атмосфере она даже допустила несколько нескромных мыслишек о мужчинах, и мужчинах-индейцах в частности – куда ж без этого. Но под презрительными взглядами попутчиков в лифте по дороге обратно в номер, под их нарочито-задерживаемое дыхание вся эта альковная мишура растаяла без следа...

Джош был пунктуален. Посадил Соню в машину, и они поехали прочь из гостиницы.

Минут через сорок машина остановилась у скромного двухэтажного особняка, окружённого небольшим чистеньким ухоженным участком. Всё было такое игрушечно-кукольно-пластиковое – хорошо знакомое по «родным» американским фильмам.

Джош представил своего друга Майкла. Тот был не менее красив. Но его красота была более привычной, что ли, европейской. Или скорее русской (для тех, кто помнит фильмы Александра Роу, – он был похож на актёра, который всегда играл главного героя – богатыря ли, Иванушку ли, царевича ли, – но всегда героя). Правда, он слегка «испортил» впечатление, открыв рот и весьма бегло заговорив на русском языке. Да с таким ужасающим акцентом, что, видимо, на секунду у Сони перекошило лицо, и... все расхохотались. Соня извинилась и на своём очень медленном английском сказала Майклу, что восхищена и на самом деле мечтает хоть когда-нибудь говорить на его родном языке так же шустро, как он балаболит на её родной речи.

Подъехал Джим. Из машины выскочил огромный, явно вымытый шампунем пёс и на всех парах понёсся к дому. Сначала он прыгнул на Джоша, облобызав в лицо, уши и даже слегка укусив за нос. Потом настиг Майкла, пытавшегося скрыться за кустом, и повторил всю процедуру. А затем с доброжелательным достоинством подошёл к Соне. Ей-богу, если бы собаки говорили, можно было бы услышать что-то вроде: «Здравствуйте! Как я рад вас видеть! How d’you do! Ах, простите, я не совсем вежлив. Я не представился! Меня зовут...» Но тут Джим окликнул его. Пёс сделал вид, что вынужден отчалить в направлении хозяина, потом вдруг резко изменил курс, подпрыгнул, молниеносно осуществил комплексное лобзание Сониного лица и побежал к Джиму под общий хохот.

Уикенд удался.

После лёгкого завтрака в садике на заднем дворе Сонечке устроили автомобильную экскурсию по городу и окрестностям. Сводили в музей не то изящных, не то изобразительных искусств, предварительно накормив в приличном ресторане. Потом все вместе вернулись домой к Джошу и Майклу. Майкл, давно и прочно захвативший Соню в личное пользование и мучивший русскими деепричастными оборотами, типа «спя», «ея» и им подобными, оказался профессором-славистом, преподававшим в BU⁸, и просто отличным парнем. Вначале он ещё как-то переводил для Джоша и Джима смысл их с Соней диалогов, но потом и вовсе перестал. Возникла совершенно невероятная дружелюбно-смешливая атмосфера, не нуждающаяся в переводе. Кто подобное испытывал – поймёт. А иным и объяснять нет смысла.

Ах да!

⁸ BU – Boston University, Бостонский университет.

Майкл и Джош жили вместе не потому, что снимать дом с руммейтом дешевле. Тем более что этот дом – собственность Джоша. Они жили вместе, потому что они – семья.

Надо отдать должное замыленным реакциям стажёрки ранне-постсовкового периода, выросшей на строго гетеросексуальных традициях, – ей и в голову поначалу не приходило что-то подобное.

Однако когда пришло со всей очевидностью, то не только язык не поворачивался назвать их «педерастами», но и всякого, у кого повернулся бы, – Соня могла зашибить ненароком острым словом или чем потяжелее.

Догонять-то она начала, пока ещё была трезвая. Показывая дом, Майкл и Джош говорили: «наш тренажёрный зал», «наша кухня», «наша гостиная»... Наше то, наше сё – домишко-то, надо отметить, был далеко не бедняцкой хибарой. Но поскольку её больше интересовало собственно «и то и сё», а не чьё оно, слово «наше» проходило фоном, навевая что угодно, кроме подозрений. Но когда дело дошло до: «Это наша спальня...»

Честное слово, Соня не испытала ни малейшей неловкости.

В этих людях не было ни капли манерности. Ни элементарной частицы грязи. Ни кванта натянутости. Ни йоты так свойственного трусливой неестественности эпатажа, которая заставляет многих прочих тискать друг друга за бёдра и лобызаться на глазах у изумлённой публики, размазывая соответствующий мейк-ап по рюшечкам, манжетикам и всему, что «полагается», ежели уж ты решил, что ЭТО с тобой случилось. Пара джинсов, пара футболок – для непосвящённого они выглядели как старые добрые друзья.

Фотографии по стенам всего дома – обычные мужские, крепкие фотографии – рыбалка, охота, пьянки, поездки. В строгих рамках или совсем без них. Ни одной «гей-эротики», ни одного «цветочка в зубах» или ещё чего. Даже у Сони в доме, тоже сплошь завешанном картинками из их с мужем жизни, частенько попадают такие, которые в случае прихода в дом совсем уж посторонних людей вызывают вскинутые на лоб брови, паче чаяния хозяева припрятать забыли.

Во время Сониного визита звонил отец Майкла. Джош разговаривал с ним как сын. Как ещё один сын.

Поначалу Соня, конечно, чувствовала себя немного не в своей тарелке. Пока не пошли ужинать. Вы можете не верить, но на столе, накрытом небесно-голубой скатертью, стояли: водка, текила, виски, абсент («Где он его, всё ещё запрещённый в Америке, взял?!») и коньяк. И, конечно, много еды. Нормальной еды.

Все хором напились «в дым и в дрова». Всех не по-детски пробило на «хи-хи». И двадцатисемилетнего Джоша, Сониного ровесника, и тридцатипятилетнего Майкла и Джима шестидесяти с гаком (к слову заметить – гетеросексуала), неуклюже распевающего польскую народную песню и перемежающего своё выступление возгласами: «Пустите меня на кухню! Я хочу жарить картошку «по-славянски!»» И только любимый пёс Джима не хихикал. В его взгляде читалось ласково-снихождительное: «Не пора ли тебе освежиться, Хозяин?»

Любая нормальная семья хочет ребёнка.

Майкл и Джош тоже хотят ребёнка. Чек – суррогатная мать – и все дела. И пусть идут к чёрту те, кто захочет порассуждать о «естественном – неестественном», «правильном» и «неправильном» развитии психики. Маленький человечек, который вырастет в семье Майкла и Джоша, будет счастлив – Соня точно знала это. Видела. И, уж точно, более счастлив, чем многие и многие, выросшие среди недолюбленных психопатов в виде разведённых мам и стареньких, озлобленных на весь свет бабушек. Нормальная психика? Если ты растёшь с двумя крепкими, красивыми, умными, состоятельными и состоявшимися спокойными мужиками, какая у тебя будет психика, будь она неладна? Соня, например, за всю свою много-мало жизнь

не встречала лично ни одного счастливого психоаналитика. Интересно, почему? Не бояться жить и не бояться любить – это одно и то же.

Закон штата Массачусетс разрешает Майклу и Джошу быть отцами.

Вам неприятны гомосексуалисты? Потому что вам неприятен «сам процесс»? Ну, тогда вы просто извращенец, любящий подглядывать в замочную скважину чужой спальни, ещё и возмущаясь при этом: «Фи, какая гадость!» Соня вот в чужую спальню не ходит. А в своей, сказать по секрету, вытворяет что хочет, чего и всем искренне желает. Такое вытворяет, что и не снилось воинствующим юнцам и сублимирующим дамам усреднённого предклимактерия.

В Салем «копать картошку» на следующие выходные не поехали. Туда поехали чуть позже и покутили «мама не горюй!». А ещё чуть позже Джим устроил всем экскурсию в Стэйт-Хаус штата Массачусетс, где Соня толкнула речь и даже ругнулась с трибуны Кеннеди. О-о! Это было такое удовольствие – вы бы её видели в тот момент!

Ещё ходили в аквариум. Тоже все вместе.

А вот на следующий уикенд – ездили в Нью-Йорк. А потом...

Впрочем, это всё совсем другие истории.

И единственное, за что Соня после с содроганием вспоминала Майкла, – это его русский язык. А Джош... Ну, вы помните – это было настоящее чудо!

P.S.

«Количество ВИЧ-позитивных среди лиц гетеросексуальной ориентации к началу XXI века значительно превысило количество ВИЧ-позитивных среди гомосексуалистов».

Хроники XXI века

P.P.S.

«Я отношусь к гомосексуалистам нормально. Мне всё равно, кто кого и куда... любит. Если он любит. Во всяком случае, в это время он не ходит на демонстрации и не швыряет грязные валенки на «пульт Эйнштейна». Так мне подсказывает моя мужская ментальность и мальчишеский характер. Когда я была юной, то никак не относилась к «педерастам» – некогда было. Я учила философию.

А вот мэры Третьего Рима, в большинстве своём, конечно, не будучи гомосексуалистами, были самыми обычными и Жест Миа, героини Умы Турман, обращённый к Винсенту Веге (Джон Траволта)⁹

⁹ Фильм Квентина Тарантино «Pulp Fiction», глава «Винсент Вега и жена Марселасса Уоллеса», 33-я минута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.